

Филология

Солецизмы в письмах: типология и функции

Татьяна Петровна Акимова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400131, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 27
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: akimova_t@rambler.ru

Аннотация. В статье дана классификация грамматических форм, функционирующих в роли солецизмов в письмах классиков русской литературы XIX–XX вв., установлены функции данных единиц. Определена тенденция к увеличению числа солецизмов с течением времени.

УДК 808.2

Ключевые слова: эпистолярный текст; разговорный стиль; устная речь; грамматика; диалект; просторечие.

Разговорный стиль, как известно, обслуживает сферу непринужденного общения людей в быту, в семье, а также сферу неофициальных отношений на производстве, в учреждениях и т.д. Основной формой реализации разговорного стиля является устная речь, хотя он может проявляться и в письменной форме (неофициальные дружеские письма, записки на бытовые темы, дневниковые записи, реплики персонажей в пьесах, в отдельных жанрах художественной и публицистической литературы). В таких случаях в тексте фиксируются особенности устной речи, представленные на различных языковых уровнях.

Намеренное нарушение норм литературного языка, которое, по мнению исследователей, более свойственно лицам, отличающимся высокой степенью культуры и владения языком [см.: 1: 128; 2: 74; 3: 105], представляет собой одно из средств реализации языковой игры.

Данная работа посвящена выявлению закономерностей намеренного употребления авторами неофициальных писем грамматических форм, находящихся за пределами литературного языка – в сфере просторечия или диалектов. Подобные примеры грамматической неправильности речи именуется в трудах по стилистике солецизмами [см., напр.: 4: 718].

Материалом для исследования послужили частные письма русских писателей XIX–XX веков. Обращение к писательскому эпистолярию обусловлено прежде всего тем, что создателей художественных произведений отличает высокий уровень владения речью, т.е. они принадлежат к элитарной речевой культуре [5], приоритет изучения которой неоспорим. Кроме того, широкий временной диапазон рассматриваемых источников позволяет выявить тенденции изменений, связанных с использованием солецизмов в эпистолярном тексте.

Поскольку солецизмы представляют собой единицы, неверные с точки зрения нормативных предписаний, но «узаконенные традицией» [6: 24], они нередко выступают в роли своеобразных клише. Так, в нашем материале отмечено несколько лексем, словоформы которых стабильно используются в качестве солецизмов. К их числу относятся следующие единицы:

1) форма род. падежа мн. числа существительного *дело – делов*: *Может быть, вы только охотник до этих делов, как и я* [Г1: 783] (1 с/у; здесь и далее в скобках после примера указывается количество подобных случаев употребления в письмах автора); *Ну-с, что касается моих денежных делов, то они весьма плохи...* [Ч1: 563] (1 с/у); *Делов – куча* [Г1: 399] (2 с/у); *Словом, столько делов и новостей, что только с приездом точно выясню тебе* [Ш: 23] (2 с/у); *Ну и наделал ты делов! Подарил мне такую ручку, что сама пишет, даже и думать не надо, а только в пальцах ее держать* [А: 566] (1 с/у);

2) несупплетивные формы мн. числа существительного *человек – человеки*: *Да, великие мы таланты, мы все человеки и из нас «прет», но умри Лев Толстой, и написать статью некому* [Ч2: 200] (1 с/у); *На террасах кейфуют восточные человеки...* [Г1: 28]

(1 с/у); Собака – спаниель, Спирькой звали – оставила по себе память куда ярче, нежели живые **человеки**, повстречавшиеся мне в жизни [А: 580] (2 с/у);

3) формы притяжательного местоимения мн. числа – *ихний, ихай, ихой* (последние два варианта представлены только в письмах В.П. Астафьева): Газетчик значит, по меньшей мере жулик <...>. Я в **ихней** компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика [Ч1: 27] (1 с/у); Вы, товарищ, спрашиваете: «Чего не хватает нашим молодым писателям» для того, чтобы книги **ихние** «брали за живое»? [Г3: 159] (2 с/у); Взались, Женя, и за меня товарищи коммунисты, <...> пишут всякую слякоть, но я не читаю, разумеется, **ихних** изданий... [А: 543] (11 с/у); Они [дочь с внуками] уже возвратились домой, но дух **ихай**, особенно Польшкин, в избе витает [А: 405];

3) употребление слова *жизнь* по образцу склонения существительных, оканчивающихся на -а, -я: *Надоела мне эта **жизня** очень шибко...* [Ш: 103] (7 с/у); *И очерк-то славный про буровиков и **жизню** ихнюю «романтическую»* [А: 174] (1 с/у);

4) употребление слова *дитя* по образцу склонения существительных, оканчивающихся на -о: *Единственное, чего не хватает, – тебя со Светлым **дютем*** [Ш: 69] (1 с/у); *Кланяюсь жене твоей, **дитю*** [А: 238] (13 с/у);

5) форма сравнительной степени прилагательного *плохой* – *хужей, хужее*: *Потом дело идет **хужее, хужее** и... вот эти дни так по вас встосковался, что силов нет!* [Ш: 56] (2 с/у); *Живём мы тихо-мирно, вокруг же всё **хужей** и тревожней* [А: 501] (3 с/у).

Кроме конкретных словоформ, можно выделить также следующие просторечные и диалектные формы, «традиционно» выступающих в роли солецизмов в рассматриваемом материале:

1) склонение несклоняемых слов: *Кабачки, отчини дверь, говóрит и проч. – за все это не скажет Вам **спасиба** великоросс...* [Ч1: 206] (1 с/у); *Дня через три поеду в Свердловск заниматься «**кином**»* [А: 69] (2 с/у); *А кинокартину везде приняли на «**уру**» и дали ей 1-ю категорию* [А: 271] (3 с/у);

2) употребление формы жен. рода вместо ожидаемой формы муж. рода и, реже, наоборот: *Это фотограф, черт бы его драл, повернул меня таким образом, что создается впечатление, будто я подслушиваю чей-то секретный разговор. Этакая **страма!*** [Ш: 45]; *... и я же был, и провалился из-за этого на смотре и не попал «в **ансамблю**»* [А: 359]; *Прихватило меня опять тут. Валялся три дня. Сожрал чего-то. И взяла меня печень и **брюха*** [А: 118]; *Осенью, побывав в Китае, зарядился я таким трудовым порывом, такой тягой к работе, что вот бы броситься на стол, как **тигра** на добычу!* [А: 485]; *Конечно, те, кто бегают или уже ковыляет с портретиками Сталина по площадям и улицам, никаких **книжков** не читают и читать уже не будут...* [А: 700];

3) Полная форма адъективного имени вместо краткой и наоборот: *Л[юдмила] П[авловна], «**радая**», забула засыпать дорогого чая...* [Ч1: 131]; *Вот в одной орловской деревишке увидели мы вишню. Спелая, алая, и кто-то из чалдонов громко удивляется: «Гляди-ко, ягода **кака** хрушка, а растёт на дереве, как наша черёмуха»* [А: 581];

4) Возвратный глагол в форме 1 лица ед. числа с постфиксом -ся: *Мнение Ваше о ней [«Истории Пугачева»], во всяком случае, мне драгоценно: похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны **научуся** (чего, знаете Вы сами, не **дождуся** от записных наших критиков)* [П3: 330]; ***Нахожуся** я в ст. Вешенской и пишу новый роман о том, как вешенские, к примеру, казачки входили в сплошную коллективизацию в 1930 г. ...* [Ш: 130]; *... и меня вот настигла болезнь-наваждение пенсионная – читать некрологи в газетах и смотреть на кладбище, кто, как и где лежит, да прикидывать, как я тут **размещуся**. А **размещуся** я рядом с дочерью...* [А: 654];

5) употребление предлога *об* перед словом, начинающимся согласным: *Кстати **об стихах**: то, что я читал из «Шильонского узника», прелесть* [П1: 114]; *Я не напоминал ей **об вчерашнем**, боясь огорчить ее и тетеньку* [Т1: 603]; *Анне Ивановне целую руку и молю небеса **об ее** здравии и благополучии* [Ч1: 482]; *Если Вы имеете какие-либо вести **об Леониде**, отце и вообще москвичах, – передайте на словах или письмом...* [Г1: 360]; *Было бы неплохо, если б ты **об деле** и о своей живухе черкнул*

письмишко [Ш: 272]; ...он [Абрамов] *никого не любил, даже бабу свою, шибко тоже надменную и «много об себе понимающую»*... [А: 352].

Исследователи отмечают, что «чем более высокой является степень демократизации художественной литературы, тем большее воздействие оказывает разговорная речь на язык художественной литературы» [7: 407]. Подобная тенденция, на наш взгляд, характерна и для писательского эпистолярного жанра. Количество солецизмов в писательском эпистолярном жанре увеличивается, начиная с рубежа XIX–XX веков. При этом не только растет частотность отдельных лексем с «нелитературными» словоизменительными парадигмами (в письмах М.А. Шолохова отмечены 7 употреблений слова *жизня*, преимущественно в формах именительного и винительного падежей, в письмах В.П. Астафьева более 10 раз использованы различные формы слов *ихний* и *дитё*), но и расширяется диапазон нелитературных форм, использованных в качестве солецизмов. Так, в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого представлено только два типа солецизмов, в эпистолярном жанре А.П. Чехова – 6, М. Горького – 4, М.А. Шолохова – 7, В.П. Астафьева – 17 (!).

Ниже представлены группы грамматических неправильностей, отмеченных нами только в письмах В.П. Астафьева:

1) использование диалектной формы род. падежа мн. числа существительного *день* – *дён*: *В конце ноября собираюсь в ФРГ на 10 дён...* [А: 335] (2 с/у);

2) употребление форм косвенных падежей личных местоимений 3 лица с предлогом без начального [н']: *А жизнь-то, она вона какая разнообразная, в ей «сюрпризов» больше, чем вшей в полушубке пехотного Ваньки-взводного из окопов!* [А: 417] (2 с/у);

3) использование формы притяжательного местоимения ед. числа – *евонный*: *«Следопыт» плохой журнал, и потому я вышел из евонной редколлегии* [А: 71] (4 с/у);

4) использование нелитературных чередований в основах глаголов: *Тут я отступать начал и бёг аж до Ставрополя, не оглядываясь, оставив избу без шубы* [А: 354]; *Этот Вася-охотник <...> ходит всегда при галстуке, в кожаном пальто, стригётся только в Красноярске, у знакомой парикмахерши...* [А: 542]; *...скажешь, а тебе: «Ну да, ты у нас один только можёшь... ты у нас!..»* [А: 109]; *Это вы <...> ничего не делаете, только бумажки читаете, а кушать у Ельцина требуется* [А: 665];

5) употребление стилистически маркированной видовой пары глагола *посадить* – *садить*: *... садил-то я без Мани и по случаю потепления садил рано, и выросло бурьяну много, а картошки не видать* [А: 116] (10 с/у);

6) использование нелитературных причастных форм: *А пока – желаю доброго здоровья, то есть ничего более не ломать, ибо всё поломато* [А: 385]; *... недочитанное, недоученное, недодуманное, недобратое нами всё же кем-то добирается, люди не только дичают, но и образуются* [А: 399].

Исследователи разговорной речи установили, что для языковой игры, используемой в спонтанном общении, характерны следующие функции: 1) подчеркивание непринужденности общения; 2) усиление образности и выразительности в передаче сообщения; 3) создание речевого портрета лица, чьи слова передает говорящий [8: 174-175].

Перечисленные функции актуальны и для эпистолярного текста. В результате анализа солецизмов, используемых в эпистолярном тексте, нами было установлено, что единицы, принадлежащие к одному структурному типу, тяготеют к выполнению определенных функций.

Так, в анализируемом материале для создания речевого портрета обычно используются единицы, свойственные диалектам, в частности формы адъективных имен.

Для передачи непринужденной атмосферы эпистолярного «общения» авторы писем используют следующие типы солецизмов: употребление предлога *об* перед словом, начинающимся согласным; склонение несклоняемых слов; просторечные варианты притяжательных местоимений и лексемы *дитя*.

Варианты, которые рассматриваются говорящими как грубое нарушение норм литературного языка, используются в письмах для создания комического эффекта. К таким солецизмам прежде всего относятся нелитературные формы род. падежа мн. числа существительных, лексемы *жизнь*, сравнительной степени прилагательного *плохой*, а также употребление формы жен. рода вместо ожидаемой формы муж. рода.

Таким образом, солецизмы в письмах выполняют те же функции, что и в устном общении. Их число неуклонно растет с течением времени: от единичных случаев

употребления, имевших место до рубежа XIX-XX веков, к обилию намеренно используемых просторечных и диалектных словоформ, т.е. в русских неофициальных письмах через включение внелитературных элементов находит отражение тенденция к демократизации языка.

Примечания:

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. 544 с.
3. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 90-106.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
5. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. 25. С. 151-160.
6. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.
7. Лаптева О.А. Разговорная речь // Лингвистический энциклоп. словарь. М., 1990. С. 407-408.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1983. С. 172-214.

Источники и сокращения:

- А – Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952-2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. – 2-е изд., доп. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 752 с.
- Г1 – Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. – М.: Худож. лит., 1954. 600 с.
- Г2 – Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926 гг. – М.: Худож. лит., 1955. 671 с.
- Г3 – Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936 гг. – М.: Худож. лит., 1955. 819 с.
- П1 – Пушкин А.С. Письма: В 3 т. Т. I. 1815–1826. М.: Захаров, 2006. 704 с.
- П2 – Пушкин А.С. Письма: В 3 т. Т. II. 1827–1831. М.: Захаров, 2006. 672 с.
- П3 – Пушкин А.С. Письма: В 3 т. Т. III. 1832–1837. М.: Захаров, 2006. 544 с.
- Т1 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. В 20 книгах. Том XVIII. Письма. 1842–1881 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 305–912.
- Т2 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. В 20 книгах. Том XIX. Письма. 1882–1899 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 3–459.
- Т3 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. В 20 книгах. Том XX. Письма. 1900–1910 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 460–758.
- Ч1 – Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892. М.: Гослитиздат, 1956. 711 с.
- Ч2 – Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904. М.: Гослитиздат, 1957. 868 с.
- Ш – Шолохов М.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. М.: Советский писатель, 2005. – 736 с.

Letters Solecisms: Typology and Functions

Tatyana P. Akimova

Volgograd State Social-Pedagogic University
27 Lenina Prospekt, Volgograd 400131, Russia
PhD in Philology, Assistant professor
E-mail: akimova_t@rambler.ru

Abstract. The article classifies grammar forms, functioning as solecisms in letters of Russian Literature Classics of XIX–XX centuries, determines these units' functions, defines the tendency for solecism increase with the course of time.

Keywords: epistolary text; conversational style; oral speech; grammar; dialect; vernacular.

UDC 808.2